

УДК 94(470.661)

DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-97-102

Сергей Александрович Орешин

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Россия, Oreshin12345@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1999–2000 гг.

Аннотация. Статья посвящена становлению российских органов государственной власти в Чеченской Республике в период активной фазы контртеррористической операции (осень 1999 – весна 2000 г.). В этот период времени наряду с гражданскими в Чечне существовали чрезвычайные военные органы власти в виде военных комендатур. Острые дискуссии шли по вопросу о политическом будущем Чечни. Несмотря на предложения о введении прямого правления и сохранении чрезвычайной системы органов управления, президент России В.В. Путин принял в июне 2000 г. решение о постепенной передаче властных полномочий гражданской администрации во главе с А.А. Кадыровым.

Ключевые слова: Российская Федерация; Северный Кавказ; Чеченская Республика; чеченский конфликт; государственное строительство; региональная политика; Временная Администрация Чеченской Республики; Н.П. Кошман.

Sergei A. Oreshin

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia, Oreshin12345@yandex.ru

CREATION OF PROVISIONAL STATE AUTHORITIES IN THE CHECHEN REPUBLIC IN 1999–2000

Abstract. The paper analyzes the process of creation of Russian state authorities in the Chechen Republic during the active phase of the Counter-Terrorism operation (autumn 1999 – spring 2000). At the time, emergency military governments existed in Chechnya alongside civilian governments, taking the form of military commandant's offices. Sharp discussions were held on the issue of the political future of Chechnya. Despite the proposals to introduce direct rule and preserve the emergency system of government bodies, Russian President Vladimir Putin decided in June 2000 to gradually transfer the powers of the civil Administration headed by Akhmat A. Kadyrov.

Keywords: Russian Federation; North Caucasus; Chechen Republic; Chechen conflict; State-building; regional policy; Provisional Administration of the Chechen Republic; N.P. Koshman.

Одной из самых серьезных проблем, с которыми столкнулась российская государственность после распада Советского Союза, стал чеченский кризис. Неоднократные попытки его решения в 1990-е гг., предпринимавшиеся федеральным центром как мирным (1992–1994, 1996–1999 гг.), так и силовым путем (1991, 1994–1996 гг.), не увенчались успехом. Чеченская Республика представляла собой фактически суверенное государство, однако ее независимость никем не была признана, юридически она считалась частью Российской Федерации. В конце сентября 1999 г. российские войска вновь пересекли ее административные границы и начали боевые действия против вооруженных формирований сепаратистов.

Наряду с задачами военного разгрома незаконных вооруженных формирований остро стоял вопрос создания дееспособных органов государственной власти, которые смогли бы стать прочной опорой федерального центра в регионе. Как известно, в 1994–1996 гг. в период проведения операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике (в историографии она более известна как «первая чеченская

война») эти попытки в силу ряда объективных и субъективных причин не увенчались успехом.

Целью данной работы является изучение процесса формирования органов государственной власти в Чеченской Республике в начальный период проведения контртеррористической операции (в историографии и публицистике более известной как «вторая чеченская война») в этом регионе, во второй половине 1999 – первой половине 2000 г. В это время в республике велась активная фаза боевых действий между российской объединенной группировкой войск на Северном Кавказе и вооруженными формированиями самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии. В настоящее время, когда в условиях проведения активной фазы Специальной военной операции идет процесс становления российских органов власти на территории вошедших в состав России регионов (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области), представляется актуальным обращение к опыту государственного строительства на освобожденной от боевиков территории Чечни в конце XX в.

Следует отметить, что в российской историографии начальная стадия процесса формирова-

ния российских органов власти в Чеченской Республике не получила должного освещения. Специальных работ, посвященных этой теме, почти нет. В выходивших в то время статьях в периодической печати в основном освещались отдельные аспекты формирования и деятельности гражданских и военных властей в Чечне, а также освещалась дискуссия по поводу политического будущего республики в составе России. Из имеющихся исследований можно отметить работы И.М. Сигаури «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен» (третий том которых, вышедший в 2002 г., посвящен событиям 1991–2001 гг.), монографию А.Д. Осмаева «Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру» (2014 г.), в которой затрагиваются вопросы становления и эволюции органов государственной власти в этом регионе, статью С.П. Анникова «Структура власти Чеченской Республики в системе российского федерализма: к проблеме взаимоотношений центра и региона (1999–2001 годы)» (2010 г.), в которой основное внимание уделено взаимоотношениям федеральных и региональных органов власти и политике федерального центра в Чечне.

В этой связи представляется важным изучить политику российских властей по созданию временных органов власти на освобожденной территории Чечни; определить принципы, по которым шло формирование региональных властных структур; проанализировать развитие дискуссий по вопросам будущего чеченской государственности; выявить трудности, с которыми приходилось сталкиваться как центральным, так и региональным властям.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные научные методы. Автор использовал описательно-повествовательный метод, рассматривая события в хронологической последовательности, а также сравнительно-исторический метод, который позволяет выявить общие тенденции исторических процессов, протекавших в Чечне в данный период времени. Применялся также историко-системный метод, который позволяет представить процессы формирования органов власти в Чеченской Республике как целостную систему, вписанную в общую структуру государственного строительства в Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв.

В сентябре 1999 г. формально вся полнота власти в Чечне принадлежала президенту этой республики А.А. Масхадову, избранному в ходе всеобщих выборов в январе 1997 г. Президент возглавлял Кабинет министров и Государствен-

ный Совет-Кхеташо – органы исполнительной власти. Высшим органом законодательной власти считался избранный в 1997 г. республиканский парламент (спикер – Р.Ш. Алихаджиев). Однако контроль Масхадова за ситуацией в регионе в значительной степени был условным. На местах власть находилась в руках полевых командиров, располагавших собственными вооруженными формированиями, не подконтрольными официальному Грозному. В феврале 1999 г. антимасхадовская оппозиция сформировала Шуру (Совет) и Высший шариатский суд, объявившие себя высшими носителями государственной власти в республике [1, с. 33]. Оппозиционеры провозгласили известного полевого командира Ш.С. Басаева «амиром, обладающим всеми полномочиями, необходимыми для строительства независимого шариатского государства» [1, с. 36]. Стремительно усиливавшие свои позиции ваххабиты создали свое политическое объединение – Высший совет исламских джамаатов, также выступивший с претензиями на власть и приступивший к созданию параллельных органов управления и судопроизводства на подконтрольных радикалам территориях [2, с. 113]. Фактически же многовластие обернулось полным безвластием и невиданным разгулом преступности. Чечня превратилась в дестабилизирующий фактор на всем Северном Кавказе. Именно с чеченской территории отряды экстремистов в августе 1999 г. вторглись в Дагестан.

В Москве пришли к выводу о необходимости проведения на территории Чечни военной операции. Ее цель состояла в уничтожении террористических группировок и возвращении республики в конституционно-правовое пространство Российской Федерации. Поэтому наряду с военными предстояло решить целый комплекс политических задач. По всей видимости, первоначально Кремль рассчитывал на возможность достичь соглашения с Масхадовым. Российские власти потребовали от чеченского президента решительно отмежеваться от действий исламистов в Дагестане, выдать российским властям главных организаторов этого вторжения и разрешить российским спецподразделениям проводить на чеченской территории операции по захвату боевиков. Несмотря на рекомендации муфтия Чечни А.А. Кадыева решительно порвать с ваххабитами, Масхадов так и не решился открыто выступить на стороне России и признать Чечню ее неотъемлемой частью [3, с. 312]. После того как федеральные войска вступили на территорию Чечни, 2 октября на Съезде чеченского народа в Грозном Масхадов фактически высказался за начало полномасштаб-

ных боевых действий против российских войск в случае продолжения наступления и отказа президента России Б.Н. Ельцина от прямого диалога с ним [4, с. 48]. Российское руководство дало ясно понять, что не намерено вести каких-либо переговоров с Масхадовым и тем более признавать его равноправный статус с президентом России. Диалог с чеченским лидером был возможен только об условиях его перехода на сторону федерального центра и включении в борьбу против исламских радикалов. Однако Масхадов отказался от предоставленного ему шанса заявить о возвращении Чечни в конституционно-правовое поле России и выбрал самоубийственную тактику вооруженного противостояния Российской Федерации [5, с. 217].

В этой связи перед Москвой встала задача создания пророссийских органов власти на территории Чечни, которые должны были стать альтернативой сепаратистскому режиму. Некоторые политологи предполагали, что в федеральный центр сформирует пророссийское республиканское правительство, однако в Кремле решили не спешить с подобным шагом. Во-первых, легитимность этого правительства поначалу вызывала бы определенные сомнения, ведь провести всеобщие выборы в Чечне в ближайшей перспективе не представлялось возможным. Во-вторых, не было подходящей кандидатуры на должность главы такого правительства. Пророссийские чеченские политики, на которых Кремль опирался в 1994–1996 гг. (С.Н. Хаджиев, У.Д. Автурханов, Д.Г. Завгаев) не пользовались достаточным авторитетом среди большей части жителей республики. Даже обладая поддержкой федерального центра, они не смогли привлечь на свою сторону население и стать серьезным противовесом сепаратистской администрации.

Поэтому было принято решение сосредоточить властные функции в Представительстве Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике, которое расположилось на территории Северной Осетии в Моздоке. 15 октября 1999 г. его возглавил возведенный в ранг вице-премьера Н.П. Кошман, в 1996 г. занимавший пост главы республиканского правительства при Д. Завгаеве. Полномочный представитель назначал глав местных районных администраций и сельских населенных пунктов, действия которых контролировались российскими военными комендатурами [3, с. 316]. Одновременно была сформулирована главная задача органов власти переходного периода – создание условий для успешной реинтеграции Чеченской Республики в политическое, соци-

ально-экономическое и правовое пространство Российской Федерации.

24 октября была сформирована республиканская аттестационная комиссия, приступившая к отбору кандидатов на руководящие должности в органы исполнительной власти всех уровней [5, с. 272]. С момента создания по июнь 2000 г. эта комиссия утвердила в общей сложности 531 человека на занятие должностей в органах управления различного уровня (начиная от аппарата Временной Администрации Чеченской Республики и заканчивая главами администрации сел) и местного самоуправления, а также предприятий республиканского значения и районных предприятий [6, с. 242–243].

Представительство имело право формировать в республике временную гражданскую администрацию, разрабатывать планы экономического восстановления, координировать деятельность федеральных министерств и ведомств на территории Чечни [7, с. 4]. Помимо этого некоторые федеральные министерства и ведомства также приступили к созданию собственных организационных структур на территории республики. В Москве, однако, понимали, что к управлению Чечней необходимо привлекать и собственно чеченцев, чтобы нейтрализовать пропаганду сепаратистов, обвинявших российское руководство в намерении ликвидировать чеченскую государственность. В рамках Полномочного представительства была сформирована Временная Администрация Чеченской Республики, в состав которой вошли представители бывшей антидаудаевской оппозиции и сотрудники правительства Д. Завгаева, в лояльности которых в Москве не сомневались. Временную Администрацию возглавил внук известного чеченского религиозного деятеля начала XX в. Дени Арсанова Я.И. Дениев, который в ноябре 1995 – августе 1996 г. был мэром Грозного. Одновременно Б. Ельцин помиловал известного военно-политического чеченского лидера Б.С. Гантамирова, осужденного в 1996 г. по обвинению в хищении 25 миллиардов рублей, выделенных Россией на восстановление Чечни и приговоренного к шести годам тюремного заключения. Выйдя из тюрьмы, Гантамиров принялся создавать чеченские вооруженные отряды, действовавшие вместе с Российской Армией против сепаратистов [8, с. 781].

Параллельно с органами гражданской власти в районных центрах и крупных населенных пунктах Чечни действовали военные комендатуры. Их возглавляли военные коменданты, которыми являлись российские офицеры. Именно им и при-

надлежала реальная власть на местах. Для координации деятельности военных комендантов и гражданской администрации военный комендант Чеченской Республики И.И. Бабичев одновременно являлся заместителем главы Постоянного представительства Н.П. Кошмана. Проблема, однако, заключалась в том, что четкого различия полномочий между военными комендантами и главами районных администраций не существовало, что приводило к дублированию их функций и иногда конфликтным ситуациям [5, с. 273]. Пророссийски настроенные чеченские политики были единодушны во мнении, что военные комендатуры должны были быть расформированы сразу же после завершения активной фазы боевых действий [9, с. 3].

Однако среди чеченских лидеров не было единства по вопросу о том, кому конкретно должна принадлежать власть в Чечне. Попытка выработать это решение и наметить конструкцию постоянных органов власти на освобожденной от боевиков территории республики на проведенном в ноябре 1999 г. в Москве съезде народов Чечни не увенчалась успехом и привела к расколу. В результате реальная власть все больше сосредотачивалась в руках аппарата Полномочного представительства, через который шли все денежные потоки, направляемые из центра в республику. Следует отметить, что военное командование возражало против немедленного перехода власти к гражданским структурам и настороженно воспринимало даже пророссийски настроенных чеченцев, занимавших чиновничьи посты.

Многие российские аналитики также советовали не спешить с формированием институтов гражданской власти в Чечне и сохранить на длительный срок военные органы управления, в том числе и в финансовой сфере [3, с. 341]. Они ссылались на опыт кавказской администрации в период Российской Империи, которая сохраняла особый военнопорядок управления горцами Терской области (в состав которой входила и территория современной Чечни) вплоть до 1917 г. Однако Временная Администрация Чеченской Республики, переехав в декабре из Моздока в Гудермес, начала все более настойчиво добиваться передачи ей реальных властных полномочий [5, с. 273].

Между тем в начале февраля 2000 г. после упорных боев российские войска взяли столицу Чечни Грозный, что имело не только большое военное (в ходе боев за этот город были разгромлены основные вооруженные формирования сепаратистов), но и, прежде всего, политическое значение. Генеральная прокуратура Российской

Федерации возбудила уголовное дело против А. Масхадова. Ему было предъявлено обвинение в вооруженном мятеже, организации незаконных вооруженных формирований и посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Президент самопровозглашенной Ичкерии был объявлен в федеральный розыск [10, с. 3]. Тем самым российское руководство продемонстрировало, что отныне вообще не считает его легитимным главой Чеченской Республики и не намерено вступать с ним или его представителями в официальные переговоры [8, с. 784].

К марту 2000 г. практически вся территория Чеченской Республики перешла под контроль федеральных сил. На освобожденной от боевиков территории было сформировано 19 военных комендатур, а при них 18 комендантских рот и один комендантский взвод. В каждом районе были сформированы районные отделы внутренних дел и созданы гражданские районные администрации [3, с. 343]. 26 марта 2000 г. совместными усилиями Представительство Правительства РФ и Временная Администрация провели на территории Чечни выборы президента Российской Федерации. В 12 районах республики была организована работа 336 избирательных участков [5, с. 273].

Одновременно шли дискуссии о политическом будущем Чечни. В Полномочном представительстве выступали за построение новой временной системы власти в регионе по принципу жесткой вертикали, а полпред Н. Кошман заявлял, что обеспечит в республике единоначалие. Фактически он видел себя в роли своего рода правителя Чечни, что вызывало определенное недовольство военного командования, которое иногда вступало в конфликт с Кошманом.

В Кремле, обеспокоенном переходом вооруженного конфликта в формат затяжной партизанской войны, рассматривали перспективу введения в Чечне прямого президентского правления. Правительство Российской Федерации даже приступило к разработке соответствующего законопроекта. 27 марта с призывом ввести такое правление к новому президенту Российской Федерации В.В. Путину обратились главы администраций и военные коменданты районов Чечни. Инициатором обращения был Н. Кошман. Планировалось, что управлять республикой от имени президента будет назначенный им самим руководитель в ранге не ниже вице-премьера Правительства России. Причина подобного шага заключалась в том, что Временная Администрация настаивала на передаче именно ей властных полномочий в регионе, что означало фактическую ликвидацию Пред-

ставительства и прекращение вице-премьерства самого Кошмана [5, с. 274]. Инициативу Кошмана осторожно поддерживал секретарь Совета Безопасности Российской Федерации С.Б. Иванов, полагавший, что управление Чеченской Республикой должно было сосредоточиться в руках российских чиновников, назначаемых федеральным центром. Он призывал не спешить с передачей властных полномочий чеченским политикам. В мае 2000 г. российские власти, казалось, склонились к идее ввести в Чечне прямое федеральное правление. Предполагалось, что в течение 2–3 лет властные полномочия будет осуществлять Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти, в состав которого должны были быть включены представители федеральных министерств [11, с. 1].

С другой стороны, раздавались предложения о формировании полноценной чеченской администрации и постепенной передаче ей реальных рычагов власти в регионе [8, с. 785]. Их поддерживали не только пророссийски настроенные чеченские политики, но и некоторые эксперты на федеральном уровне, полагавшие, что сохранение на длительный срок чрезвычайных органов управления не будет способствовать завершению конфликта и налаживанию мирной жизни в регионе.

Российский президент, внимательно проанализировав все предложения и риски, в итоге принял решение начать процесс передачи реальной власти в Чечне от Представительства Российской Федерации новой республиканской администрации, а затем и вовсе упразднить Представительство. В качестве возможных претендентов на высший пост в Чечне назывались имена таких известных политиков и военных деятелей, как Б.С. Гантамиров, Р.И. Хасбулатов, Г.Н. Трошев. Однако все они по разным причинам не могли устроить ни Кремль, ни большинство чеченского народа.

Постепенно В.В. Путин стал склоняться к кандидатуре муфтия Чеченской Республики А.А. Кадырова, который еще в середине октября 1999 г. порвал с Масхадовым и перешел на сторону федерального центра. А. Кадыров был единственным чеченским лидером, которого 7 мая пригласили в Кремль на инаугурацию В. Путина. Вскоре было утверждено «Положение об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике». В ее состав включались Администрация Чеченской Республики, администрации районов, городских и сельских населенных пунктов. Все без исключения органы исполнительной власти Чечни назначались на тот период из Москвы. Глава Временной Администрации

исполнял обязанности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти Чеченской Республики. Он назначался на должность и освобождался от должности президентом России, был подотчетен и подконтролен президенту и Правительству Российской Федерации и осуществлял свои полномочия в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Кроме того, контроль за деятельностью Временной Администрации был обязан осуществлять полномочный представитель российского президента в Южном федеральном округе [12, с. 19–20].

8 июня 2000 г. было принято решение упразднить Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике. 12 июня указом президента Российской Федерации А. Кадыров был назначен главой Администрации Чеченской Республики [13]. Комментируя это решение, российский президент заявил, что «муфтию доверяет народ, он осознает важность стоящих перед ним задач», и подчеркнул, что не собирается отказываться от своего выбора [4, с. 54]. Тем самым начался новый этап в истории развития государственности Чеченской Республики как субъекта Российской Федерации.

Подводя итоги, следует отметить, что становление органов государственной власти в Чечне в конце 1999 – начале 2000 г. проходило в исключительно сложных условиях. В республике шла активная фаза боевых действий между федеральными войсками и вооруженными формированиями сепаратистской Чеченской Республики Ичкерии. Сепаратисты опирались на поддержку части чеченского населения. Остро стоял вопрос о легитимности любых органов управления в охваченной вооруженным противостоянием республике.

В Чечне в этот период времени параллельно друг другу существовали две формы власти – военная и гражданская. Военная была представлена командованием Объединенной группировки войск на Северном Кавказе и военными комендатурами в городах и сельских населенных пунктах республики. Военные коменданты располагали военной силой, однако в большинстве своем имели очень смутное представление (к тому же осложненное стереотипами) о реалиях Чечни, этнических, конфессиональных и культурно-бытовых особенностях чеченского социума. Одновременно шел процесс становления гражданских органов исполнительной власти, которые были представлены районными и сельскими администрациями, подчиненными Временной Администрации Чеченской Республики во главе с

Я. Дениевым. Верховным органом управления считалось Представительство Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике во главе с Н. Кошманом, укомплектованное как российскими чиновниками, так и пророссийски настроенными чеченцами.

Работа гражданских органов власти протекала в исключительно сложных условиях. Сепаратисты рассматривали всех чеченцев, сотрудничавших с федеральным центром, особенно занимавших посты на государственной службе, как коллаборационистов и предпринимали неоднократные попытки их физического устранения. С другой стороны, командование федеральных войск зачастую излишне подозрительно и недоброжелательно относилось ко всем чеченцам и отказывалось координировать свои действия с представителями гражданской администрации. Между Полномочным Представительством и Временной Администрацией случались разногласия по вопросу о компетенции при решении тех или иных вопросов и разграничении полномочий. Кроме того, остро стоял вопрос финансирования работы вре-

менных органов власти в Чечне и материального восстановления республики.

В российском руководстве шли дискуссии о политическом будущем Чечни. Рассматривался вопрос сохранения чрезвычайных форм управления в регионе на длительный срок и даже перехода к прямому президентскому правлению. Однако новый президент Российской Федерации В.В. Путин признал такой подход не способствовавшим задачам скорейшего достижения мирного урегулирования в Чечне и привлечения на сторону России подавляющего большинства жителей республики. Президент принял решение упразднить Представительство Правительства РФ в Чечне и начать постепенный процесс перехода от чрезвычайных к постоянным органам власти в регионе. При этом планировалось привлечь к работе в них представителей той части чеченской политической элиты, которая согласилась порвать с сепаратистами и перейти на сторону федерального центра. Первым шагом на этом пути стало назначение главой Временной Администрации Чечни муфтия республики А.А. Кадырова.

Список источников

1. Максаков И. Исламские преобразования в Чечне // Россия и мусульманский мир. 1999. № 4. С. 32–37.
2. Гакаев Ж. Ж. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (Политический аспект). М.: ЧКЦ, 1999. 128 с.
3. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен: в 5 т. Т. III. М.: Русь, 2002. 396 с.
4. Осмаев А. Д. Чеченская Республика в 1999–2000 гг.: война и политика // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 45–57.
5. Осмаев А. Д. Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный, 2014. 550 с.
6. Хасханов Г. Деятельность структур исполнительной власти в Чеченской Республике в период активной фазы контртеррористической операции (октябрь 1999 – июнь 2000 г.) // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С. 240–248.
7. Положение о Представительстве Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике // Российская газета. 1999. 7 декабря (№ 2376). С. 4.
8. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в двух томах. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: Книжное изд-во, 2008. 830 с.
9. Янченков В. Беслан Гантамиров: добывать бандитов должны сами чеченцы // Чечня свободная. 1999. 23 ноября (№ 4). С. 2–3.
10. Степенин М. Уголовник всея Чечни // Коммерсант. 2000. 19 февраля (№ 28). С. 1, 3.
11. Ульянов Н., Шабуркин А. В Чечне введут ЧП и прямое федеральное правление // Время. 2000. 6 мая (№ 35). С. 1–2.
12. Анников С. П. Структура власти Чеченской Республики в системе российского федерализма: к проблеме взаимоотношений центра и региона (1999–2001 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1 (155). С. 19–23.
13. О Главе Администрации Чеченской Республики: Указ Президента Российской Федерации от 12.06.2000 г. № 1100. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/15690> (дата обращения: 24.12.2022).

Статья поступила в редакцию 24.12.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 24.12.2022; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 27.04.2023.